

14. Акманов И.Г. *За правдивое освещение истории народов. Замечания к книге В. Имамova «Запратанная история татар».- Набережные Челны, 1994. -С. 8,9.*
15. Магауин М. *Азбука казахской истории.- Алматы: Казахстан, 1997. -С.143.*
16. Хайруллин Г.Т. *История татар.- Алматы, 1997.- С.167.*
17. Гаяз Исхаки. *Идель-Урал.- Набережные Челны, 1993. -С.9-10.*
18. Акманов И.Г. *За правдивое освещение истории народов. с.11*
19. Хайруллин Г.Т. *История татар. с.15.*
20. Кадырбаев А.Ш. *Золотая Орда и ее евразийские наследники // Казахстан- спектр.- 1998.-№ 3. - С.91.*
21. Турсун Алмас. *Уйғуры.- Алматы: Б.г. Самиздат, 2000.*
22. *Наиболее яркий пример - книги М.Аджи, который справедливо указывает на явные подлоги в российской и советской историографии, но вместе с тем М.Аджи создает новый миф. Сказанное относится и в определенной мере и к книге С.Р.Изидиновой - Половцы. Мифы и исторические реалии. – Севастополь, 1995.*
23. Шнирельман В.А. *Борьба за аланское наследие. с.101.*

Түйін

Тарихты мифке айналдыру процесі бұрынғы КСРО территориясында пайда болған жана мемлекеттердің барлығында да, соның ішінде Орта Азия республикаларында, жүріп жатқаны мәлім. Автор Қазақстан мен Өзбекстан мысалы арқылы тарихты мифке айналдыру белгілі бір саяси максатты көздейтінін көрсетеді. Бұл ең алдымен, жана мемлекеттердің территориялары мен шекараларын заңдастырғысы келетінінен туындап отыр.

Summary

For a long while practically all the Turkic people lived in one state, first the Russian Empire and later the USSR. Historiography as a discipline followed the Marxist-Leninist ideology. Anything else was declared heresy. The Soviet state replaced history with a myth of its own creation intended to lay the foundations for the task of building communism. The beginning of the perestroika became the starting point of general changes in all spheres of social sciences, including social consciousness. Such objective and subjective phenomena as language, religion, the legacy of ancestors, elements of material and spiritual culture, the mythologised conception of uniform genetic origin, notions of a "golden age" and original homeland, etc. became indicators, symbols or markers of the awakening of ethnicity, the banners of ethnic mobilisation and the foundation of ethnic identity. The myth is used for particular political purposes. These processes were analysed by the author in Kazakhstan, Turkmenistan, Uzbekistan, Azerbaijan, in Northern Caucasus, the Ural-Volga region, among the Uighurs.

ТАРИХНАМА ЗЕРТТЕУЛЕРІ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ В СССР И КАЗАХСТАНЕ (1985-1991 гг.)

З.Д.Шаймарданова –

заместитель Генерального директора Национальной библиотеки РК, к.и.н.

Советология, научная дисциплина, изучающая советскую историю, как жанр стала отмирать с началом перестройки в СССР. В этом смысле показательна статья А. Береловича «По поводу советологии», опубликованная в журнале «Анналы: Экономика, Общества, Цивилизации» в 1987, в которой он признает, что перестройка в СССР стала неожиданной для всего мира, несмотря на громадное количество публикаций, разоблачающих Советский Союз. Одним из основных направлений французской историографии был сталинизм, его специфичность, суть его наследия. Но вне исследования оставались вопросы участия общества в истории страны, которая должна была

рассматриваться сквозь призму участия общества в управлении, определяя связь настоящего, прошлого и будущего /1/.

Традиционная советология приняла концепцию тоталитаризма, испытывая в 1960-1970-е гг. свое «триумфальное действие» до распада СССР. Главной методологической проблемой советологии было отсутствие источников по СССР, ставшее «стойкой легендой». Вместе с тем, традиционная французская историография игнорировала существующие источники, отрицая такие источники, как прессу, статистику, документы КПСС, которые позволяли изучать экономическую, социальную и даже политическую историю СССР.

В самой советологии сложилось несколько направлений:

1. Направление политической культуры, в котором различаются два подхода. Первый подход заключается в том, что советская политическая культура сравнивалась с идеализированным образом западной демократии. Второй подход: факты и события советской истории, представления и концепции анализировались вне их исторического контекста и "модернизировались" под влиянием современных представлений.

2. Тоталитарная модель фиксировалась на сущности государства и партии, на его эволюции. Марк Ферро указывал на различные этапы советского режима: большевизация, плебейзация. Затем в 1950-1960 гг. партия рассматривалась как монолит, особенно с точки зрения ее места в обществе. С конца 1970-начала 1980-х гг. авторы рассматривали партию с точки зрения внутренних изменений.

3. «Институциональный полиморфизм» (по М. Ферро) или используемый в политической науке Америки институциональный плюрализм, или бюрократическая модель.

Французские историки правы в том смысле, что необходимо пересматривать статические представления об истории СССР. Пришло понимание, что концепция тоталитаризма Г.Арендт, широко используемая американской советологией, не лишена недостатков, т.к. были перепутаны тоталитарный институт, т.е. начальный нереализованный идеологический проект, и система, которая реально сформировалась. Эта модель дала возможность выделить советский тип: стойкость идеологического проекта, законность власти, идеология как элемент политики власти, контроль над населением, мало основанный на законах. Успех концепции тоталитаризма препятствовал видеть реальность, которую пытались объяснить. Сформировалась точка зрения, что тоталитаризм был как бы навязан. Сложился своеобразный советоцентризм, приведший специалистов не интересоваться другими коммунистическими режимами, исследование которых помешало бы рассматривать коммунизм как единственно советский продукт.

Таким образом, в советологии сложилось несколько недостатков:

1. Возрастающее влияние партии рассматривалось с позиции ее центральных органов. Однако растущий партийный авторитет был достигнут ее структурами на местах. Но власть местного руководителя не говорит о том, что он выражал интересы сельских тружеников, организованных в колхозы и совхозы, эти «плантации». Чтобы в полном объеме представить центральную и местную власти, можно использовать модель типа мафии. В силу ограниченности источников и контактов сеть местных чиновников была недоступна для наблюдения и анализа.

2. Деление советских руководителей на реформаторов и консерваторов, на радикальных и современных, характерное для 1930-х гг., расценивается как непоследовательное и резкое. «Личности выкристаллизовываются из горла борьбы за власть, в которой всегда политическая элита принимала участие, борьба была скрытой или открытой» /2/.

3. Советология часто пренебрегала проблемами права, легитимности власти, отсутствия свободы передвижения, выражений, ассоциаций, права покупать и продавать. Эти понятия, в различной степени отсутствующие в СССР, мешали строительству гражданского демократического общества.

Следует отметить, что еще в середине 1970-х гг. некоторые французские исследователи уже критиковали советологию, называя ее клише видения СССР. Видный французский политолог и антрополог Эммануэль Ле Руа Ладюри считал ошибочными подходы в оценке военной мощи Советского Союза и благосостояния народа, пренебрежительный тон в вопросе рабочего класса и крестьянства СССР называл неправильным. Точка зрения Франсуа Фюре, другого известного историка Франции, заключается в том, что Запад перестал думать о советской системе как идеологической. «Эта биополяция мира – капитализм / коммунизм – не имеет никакой политической реальности». Эту позицию он высказал в критической оценке монографии «Окончательное падение» Эм.Тодда, молодого французского историка 25 лет, получившего образование в Сорбонне и Кэмбридже.

К критике советологии также показательна монография Марка Ферро и Рене Жиро «От России к СССР: история России с 1850 г. до наших дней», изданная в 1991 г., переработанная и дополненная, в которой он попытался поместить развитие СССР в контекст всеобщей истории и внешних влияний, отсюда изменение парадигмы концепций и направлений во французской историографии по изучению истории Центральной Азии и Казахстана. Налицо второй ревизионизм сложившихся исторических концепций против традиционных взглядов на историю региона. Вместе с тем, важно обратить внимание на то, что французская историография времен перестройки в значительной мере все-таки выросла из советологии /3/.

Другое исследование «История Советского Союза. От Российской империи до Содружества независимых государств» Н. Верта, французского советолога и известного далеко за пределами Франции историка, претерпев 5 изданий, подтвердила необходимость пересмотра положений советологии. Новые теоретические и концептуальные подходы отражены в работе «Власть и общество в Советском Союзе», где он подвергает критике тоталитарную и ревизионистскую школы и стоит на позициях социальной и политической истории советского опыта. Его основная идея – высветить причинные связи и зависимость, которая существовала в СССР между властью, ее различными формами и обществом, роль социальных классов в политике, его социальную активность. Его методологический подход базируется на рассмотрении социальных процессов снизу и сверху, что позволит объективно восстановить исторические факты, «царапая идеологический лак официальных споров». Следующий методологический подход заключается в изучении, каким образом это проецируется в современность. Он предлагает отступить от стереотипов объяснения функционирования советской системы, исходя из ее идеологической и политической инфраструктуры /4/.

Таким образом, французские исследователи выявили общество, которое находило свои специфические пути выживания и выражения, которые привели к перестройке и критике советологии.

На смену советологии пришли практические исследования происходящих политических, социально-экономических процессов в странах Центральной Азии и Казахстане. Если советология ставила главной задачей критику СССР, его политической системы, основанную на примате коллективного над индивидуальным, в государственном и партийно-идеологическом контроле над обществом, подвергала анализу громоздкую экономическую систему социализма, национальную политику, демографию и т.д., то в 1985-1991 гг. на первое место встали трудности демократизации и начинающейся модернизации в годы перестройки и гласности. Это не только политические, но и экономические, социальные, демографические проблемы, которые нужно было решать в период перестройки и гласности. Это обновление подходов по политическому, социально-экономическому, религиозному и национальному вопросу. Это блок социальных вопросов: систематическое разрушение общей санитарной обстановки, серия дисфункционирования системы здравоохранения, электрификация, доступ к газу и воде, всеобщее бесплатное образование и медицинское обслуживание. Но это были те же самые люди одного поколения, но были и другие, которых надо было идентифицировать и перед которыми стояла дилемма: следовать по новому пути /5/.

Отсюда во французской историографии начала складываться новая научная школа исследований, свободная от концепций советологии и тоталитаризма, аргументированная тем, что незнание советской истории Центральной Азии и Казахстана или ее трактовка с советологических позиций может привести к неправильным заключениям, неправильной оценке управления в новых условиях демократизации общества.

Французская историография продолжает исследовать историю СССР, Центральной Азии и Казахстана. В этот период выходят работы прежних историков и новых исследователей. Это труды М.Ферро «От России к СССР: история России с 1850 г. до наших дней», Э.Каррер д' Анкосс «Слава наций», работы Р.Канья и М. Жана «Судьба Центральной Азии между множеством империй: СССР, Китаем и исламом», К. Пужоль, Р.Ляду «От русского государства к советскому государству», Фр. Серо «Экономическая система СССР», Г. Рабаллана «Концептуальное и функциональное постоянство советской экономической системы в Средней Азии», появляется имя Оливье Руа /6/, публикации которого имеют геостратегическую направленность с историческим контекстом. Появляется значительное количество публикаций в периодических изданиях, а также следует отметить

энциклопедического характера издание «50 идей, которые потрясли мир: словарь гласности» под редакцией Ю.Афанасьева и М.Ферро /7/.

В эти годы теоретическая историография развивалась осторожно, что было поколения молодых исследователей, начало установления обменов французских среднеазиатских ученых. Меняется методология работ: расширение источниковой базы исследований, возможность работы с архивными документами, т.е. своеобразная «документальная революция», появление, правда редких, но отдельных исследований по Центральной Азии и Казахстану. Стало очевидным, что нет какой-нибудь отдельной «западной» или «французской» историографии, как нет отдельной казахстанской исторической науки. Существует единая мировая историческая наука. Практически это означало возникновение новой научной школы.

В первый год перестройки французская историография считала, что перестройка - это «камуфляж советского экспансионизма». Все французские исследователи этого периода отмечали, что демократические реформы плохо принимались населением, как в случае с победой Октябрьской революции и установлением Советской власти. Исключение составляли религиозные течения. Другие исследователи считают, что они выявили общество, которое находило свои специфические пути выживания и выражения, и пошло дальнейшее развитие в пользу перестройки /8/.

Демократизация в СССР во французской историографии рассматривалась как отражение антагонистических элементов: ярко выраженное сопротивление советскому образу жизни, реконструкция исламской морали. Во французской историографии вырабатывались новые методологические подходы: перестройка общества на социалистических началах сопровождается хаосом и социальными катаклизмами, новая аккультурация под воздействием внешних действующих лиц – Запад, исламская идеология, государственный волюнтаризм противопоставить новые нормы, потеря духовных ориентиров и социальное отчаяние. Такие подходы позволяют выявить степень стабильности и сопротивления обществ в период «нового скачка истории» /9/. Поэтому новый период в развитии истории Центральной Азии и Казахстана рассматривался с политической, экономической, социально-культурной точек зрения. В ходе строительства новых обществ – это строительство общества в первую очередь, т.к. необходимо организовать экономическое пространство, социальные отношения, институциональные силы, модальности связей. История демократических преобразований: это политический, экономический, юридический, религиозный, институциональный, культурный, социальный уровень, уровень национальной идентичности.

Французские историки, рассматривая результаты Октябрьской революции в практике и диалектике, основываются на тезисе, что всякая политическая власть, даже революционная, остается главной задачей диктатуры, но где нет места подлинной демократии, а только демонстрируемой. Подвергая критике марксистско-ленинскую теорию о состоятельности пролетариата, французская историография считает, что такая диктатура пролетариата означает только упадок ее власти. Критикуя ленинскую теорию о строительстве социализма в отдельно взятой стране, огосударствление профсоюзов, укрепление репрессивного характера государства, сделавшими отсутствие демократии, они приходят к выводу о неизбежности упадка государства /10/.

Характерной чертой развития демократических процессов периода гласности является элемент непрерывности, который наиболее ясно выписывается в политическом поле и рассматривается с позиции концепции непрерывного перехода, основное положение которой сводится к тому, что Центральная Азия и Казахстан - это пространство, наследованное от колониального русского и советского прошлого. Демократические реформы осуществляются, но присутствует наследование черт прежнего режима как патернализм, вера в необходимость сильной идеологии. Эти характеристики составляют общие черты с советской системой.

Во французской историографии сложилась точка зрения, что демократизация общества протекала очень медленно, партия осталась такой же, как в 1930 г., «она приспособилась к вызовам современного мира так, чтобы сохранить механизмы, запущенные Сталиным по модели военного коммунизма 1918 г., многочисленные модификации административного аппарата не составили альтернативы принципам централизованного планирования» /11/.

Для понимания современной Центральной Азии и Казахстана переходного периода французские исследования используют подход возвращения истории, в годы правления Л.И.

Брежнев: возможность Москвы маневрировать республиками юга, вхождение эпонимов в администрацию, признание природных богатств как хлопок и нефть. В течение 1960-х гг., политика индигации местных республиканских кадров, т.е. когда у власти были местные кадры, дала республикам некоторую автономию управления и чувство частичного хозяина для достижения национальных целей.

Французская историография исходит из положения о том, что гласность – это прозрачность, публичность принятых решений, конец секретности. По мнению ряда исследователей, первыми, кто поддержал перестройку, были интеллектуалы, артисты, журналисты. М.Ферро и Р.Жиро так охарактеризовали перестройку: «Перестройка выразилась в 3 категориях, первая из которых – свобода выражения. В политической сфере – трансформация институционального характера партии (коммунистической – З.Ш.), которая представлялась с чертами демократического централизма, а на самом деле это была бюрократическая колонизация. Профсоюзы, бывшие бюрократически зависимыми от партии, меняли свое назначение, обретая свои начальные функции – быть на стороне трудящихся, отстаивать их интересы... Изменение социального и индивидуального сознания, которое до перестройки представляло практику самосохранения... Экономическая перестройка, необходимость которой неотложна – в стадии лабораторных исследований, могут перестроиться только кооперативы» /12/. Как одно из подтверждений гласности – освещение событий в Чернобыле и Алма-Ате, однако со скудной информацией /13/.

Демократизация общества в республиках Средней Азии и Казахстане определила разнообразие подходов в ее изучении. Методологический подход, на котором основаны исследования этого периода, это междействия, инкорпорация, реконструкция, возвращение исторических явлений в контексте образования и расцвета новых социальных институтов. «Это новое общество есть продукт, а не совокупность, происходящих демократических процессов» /14/.

Демократические преобразования рассматриваются во французской историографии с позиции политической истории и политической культуры. Установился плюрализм, но партия продолжала играть свою руководящую роль до 1990 г. Французская историография рассматривает демократические с концепция множественности изменений. Создаются неформальные группы вокруг вопроса спасения национального наследия и окружающей среды, появляются многочисленные партии, народные фронты, деятельность которых привела к распаду СССР. Эти объединения составили реальный плюрализм и противопоставили монополии партии, но их политическое право появилось позже. Могли ли демократические преобразования преуспеть, если общество оставалось бы иммобильным, эти группы показали, что апатия в обществе перестала существовать. Но партия считала, что она должна их контролировать.

Созданный одним из первых Народный фронт «Бирлик» в Узбекистане стал примером для всех среднеазиатских республик, которые пытались найти компромисс между национализмом и демократией. Ряд исследователей видят в «Бирлике» прототип национальной партии Туркестана, созданной в начале Октябрьской революции /15/. Другой подход – влияние Запада. Западные власти, стремясь содействовать развитию демократии, надеялись на быструю демократизацию, основанную на естественном отказе от тирании и на периоде политической и экономической либерализации, характерной для перестройки. Поэтому возник вопрос: будет ли демократизация законной политической базой, которая даст возможность дальнейшего развития /16/. Теории перехода предсказывали быстрый переход от коммунизма к либерализму, экономическому и политическому. Но в Центральной Азии и Казахстане, как отмечали французские исследователи, прослеживался «путь авторитаризма» и население было несколько безразлично к перестройке.

Все проблемы проявлялись в комплексе – демократия, социальный прогресс, культура, экология – все было включено в национальные программы. Этим объясняется успех народных фронтов во всех республиках, т.к. они были поддержаны всеми, т.к. здесь проявлялась возможность играть политическую роль всем обществом, т.к. это было поддержано обществом, а не группами или фракциями. Французский историк Э. Каррер д' Анкосс предлагает тезис «двойной власти». «Эти объединения, имея большое политическое значение, показали, что впервые эти организации, исходящие из общества, могут мобилизовать общество во всех республиках. Но они еще не вызрели окончательно. Но на равных могут решать национальные вопросы наравне с политическими

структурами. Компартии, профсоюзы, другие организации, вышедшие из партии, теряли свою легитимность или то, что от нее осталось» /17/.

На примере выборов на съезд депутатов, как показывает Э.К. д' Анкосс, вследствие политической реформы 1988 г. проявляются реальные успехи демократизации общества. Другая сторона политических реформ, по мнению французских исследователей, усиление власти республиканских руководителей, т.е. наблюдался некий процесс децентрализации власти Компартии. Децентрализация власти КПСС имела две цели: не дать возможность республикам Центральной Азии и Казахстану отделиться. Другая цель заключалась в нераспространении власти партии на экономику, но это было декларировано только теоретически.

В переработанном и дополненном издании «От России к СССР: история России с 1850 г. до наших дней» Марк Ферро пишет: «...нет национальной истории в тени внешних влияний». В действительности, для него, унаследовавшего методологию исследования школы Анналов, не существует истории, построенной по заранее подготовленной схеме. «Но логика истории приводит к привилегированию некоторых факторов для понятия прошлых событий, прошлое – произведение человека, историкам необходимо ее восстановить и проанализировать» /18/.

Прежнюю историю СССР и его взаимоотношений со среднеазиатскими республиками он рассматривает с позиции теории консенсуса, подпитываемого советским патриотизмом, национального чувства у русских и нерусских. Применяя методологию школы Анналов, Ферро выделяет раздвоение социального и индивидуального сознания как практику самосохранения тех, кто был недоволен советским обществом. Проблемы, вставшие со смертью Брежнева и Андропова, по его мнению, заключались в том, что советское государство искало возможности поддержания советской экспансии и консолидацию системы.

Один из концептуальных подходов, заслуживающих внимания во французской историографии, подход примирения демократии и наций, о самостоятельности среднеазиатских республик в период СССР, предложенный Э.Каррер д' Анкосс: «...автономия, которую общества смогли сохранить, несмотря на политику Москвы». Однако были и другие мнения, совершенно противоположные: полная зависимость республик от центра.

В процессе демократизации центрально-азиатских обществ в конце XX в. многие вопросы истории Центральной Азии и Казахстана как национальная независимость, национальная идентичность, вопросы образования и национального языка, положения ислама и мусульманской женщины, поставленные в начале XX в. после установления Советской власти в этом регионе, проявляются вновь. Эти вопросы французская историография рассматривает с точки зрения «возвращения истории».

Складывающиеся в условиях перестройки отношения Москвы и среднеазиатских республик во французской историографии рассматриваются с позиции теории регионализма (местничества) и клановости, основным теоретиком которых является Оливье Руа. Разрабатывались теории контракта между центром и югом. «Москва допустила ошибку: она не увидела в борьбе кланов и регионов реальной угрозы, она затрагивала только национальное политическое пространство, у них не было общей солидарности против Москвы. Борьба кланов была скрытой, они не прибегали к помощи Москвы, а те, которые обращались к ней, считались предателями». Поэтому в республиках Средней Азии и Казахстане создавалась ситуация противостояния политического класса и населения, что «привело мусульманских аппаратчиков к игре на националистической карте против Москвы» /19/. Государства в условиях перестройки начинают играть на карте «жертвы» колониального режима, афишируя развал, что в мире принималось с пониманием. Афиширование жертвы становится отличительной особенностью центральноазиатских государств по сравнению в экс-СССР как элемент непрерывности.

Политическая элита также проявляла преемственность, но были и изменения. Среди нее были те, которые создали оппозиционные партии, которые встали во главе националистических или исламистских организаций. Эта часть элиты перестала занимать государственные посты. Появились новые фигуры в Казахстане, например, в области экономической либерализации, что позволило действительно осуществлять реформы и продвигаться в политической карьере. Но это редкие случаи. Большинство так называемой экономической и культурной элиты или их дети остаются на прежнем

месте, как при советском режиме. В теории непрерывности выписывается наследственное право на пост первого руководителя страны как фактор изменений, который позволяет сопровождать периоды потрясений. Просматривается ошибка руководителей центральноазиатских государств и выделяется как особенность демократических процессов: наследственное право на престол как фактор изменений, который позволяет сопровождать периоды потрясений. В поле исследования попадают международные отношения, т.к. распад СССР, располагающего впечатляющей военной мощью, мог привести к изменению международных отношений.

По мнению ряда исследователей, отношения между Казахстаном и Россией начинают расцениваться как русско-казахстанское соперничество, представляющее новую парадигму отношений, переросших из отношений центр-периферия. Особенно, когда речь идет о нефти, т.к. Казахстан играет большую стратегическую роль, благодаря своим нефтяным запасам: «... нефтяная политика Казахстана – составная часть русской нефтяной политики». Вместе с тем, считается, что именно в нефтяном вопросе проявляются следы советского разделения труда и экономики /20/.

Таким образом, французская историография считает, что демократические преобразования в СССР, республиках Центральной Азии и Казахстане происходят медленно и что они наследовали многие черты советского прошлого. В этот период начинают разрабатываться теории регионализма (местничества) и клановости, характерные для центральноазиатского и казахстанского обществ. Давление извне, включая внешние долги СССР, перераспределение богатств и власти, его конфликтная и неравномерная динамика, комбинируемая открытием советского пространства, сгенерировали кризис нового типа, который привел к распаду СССР. История перестройки и демократических преобразований в республиках Центральной Азии и Казахстане объясняют цепь реформ и политических решений, которые поторопили выход их всех из состава СССР.

1. Berelowitch W. *A propos de soviétologie // Annales : Economies Sociétés Civilisations.* - 1987. - # 5.- P. 997-998.
2. Poujol C. *L'islam en Asie centrale, vers la nouvelle donne.* – P. : Ellipse, 2001. –P. 77.
3. Ferro M., Girault, R. *De la Russie à l'URSS: l'histoire de la Russie de 1850 à nos jours.*- P.: Nathan, 1991.- P.173, 188.
4. Werth N. *Histoire de l'Union soviétique. 2-ieme vol.* - Paris : PUF, 2007 - P.127.
5. Cohen Fr. *Le présent de la perestroïka: à suivre // La pensée.* – 1988.- # 265-6. - P. 95-107.
6. Ferro M., Girault, R. *De la Russie à l'URSS: l'histoire de la Russie de 1850 à nos jours.*- P.: Nathan, 1991; Ellenstein J. *D'une Russie à l'autre: vie et mort de l'URSS.* – P. : Messidor, 1992; Roy O. *La nouvelle donne. 1980-1991.*-P., 1997, Poujol C. *L'Asie centrale. 15 années de discours et de pratiques sur l'intégration dans un espace désintégré // Revue internationale et stratégique.* – 2006-2007. - # 64 ; Cagnat R., Ian M. *Le Milieu des empires: entre URSS, Chine et Islam, le destin de l'Asie centrale / Nouv. éd. augm.* - Paris : R. Laffont, 1990, *L'Asie centrale et ses voisins: influence réciproque : Colloque internationale / sous la dir. de R. Dor - Paris: INALCO, 1990.* - P. 7.
7. *50 idées qui ébranlerent le monde. Dictionnaire de la glasnost // Dir. et pref. par Yu. Afanassiev et M. Ferro.* - Paris : Payot, 1989.- 521 p.
8. Jacques Legrand. *Société, socialisme, quelques réflexions sur un débat // La pensée.* – 1988.- # 265-6. P. 109-117.
9. Roy O. *La nouvelle donne. 1980-1991.* –P, 1997. - P.47.
10. *Les Etats prosoviétiques: identités en construction, transformations politiques, trajectoires économiques / Sous la dir. de Jean Radványi. 2e éd. mise à jour.*- Paris : A. Colin, 2003. - 235 p.
11. Seurot Fr. *Le Système économique de l'URSS.* - Paris : Presses universitaires de France, 1989. - P.16.
12. Girault, R., Ferro M. *De la Russie à l'URSS: l'histoire de la Russie de 1850 à nos jours.*- P.: Nathan, 1991.- P.235, 236.
13. Carrère d'Encausse H. *La gloire des nations.* – P.: Fayard, 1990.- P.64.
14. Poloni-Segard J. // *Annales : Economies Sociétés Civilisations.* - 2007. - # 3. - P. 501.
15. Carrère d'Encausse H. *La gloire des nations.* – P.: Fayard, 1990. – P. 231-232.
16. Buisson A. *La difficile exportation de la démocratie en Asie centrale, inadaptation du projet ou extranéité du concept? : Travaux de recherche menés par Antoine Buisson, candidat au doctorat au sein de l'EHESS // Institut de recherche et de débat sur la gouvernance.* - <http://institut-gouvernance.org/fr>
17. Carrère d'Encausse H. *La gloire des nations.* – P.: Fayard, 1990. – P. 204, 236.

18. Girault, R., Ferro M. *De la Russie à l'URSS: l'histoire de la Russie de 1850 à nos jours.* - P.: Nathan, 1991.- С.235.

19 Jobert V. *La fin de l'URSS et la crise d'identité russe.* – P.: Press de l'Univ. de Paris-Sorbonne, 1993. – P.201.

20. Calabuig E. *Fragilités d'une "autocratie éclairée" au Kazakhstan. Un conflit latent en Asie centrale. Un avenir prometteur en Asie // Le monde diplomatique.* – 1997. - Septembre.

Түйін

Бұл мақала КСРО және Қазақстандағы демократиялық өзгерістер (1985-1991 жж.) жөніндегі француз тарихнамасына арналған.

Summary

Given article is dedicated to french historiography about democratic transformation in USSR and Kazakhstan (1985-1991.)

САЯСАТТАНУДЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ПАТРИОТИЗМНІҢ ӘЛЕУМЕТТІК-САЯСИ МӘНІ

Ж.Қ.Симтиков –

саяси ғылымдарының докторы, теориялық қолданбалы саясаттану және әлеуметтану кафедрасы

Қазақстан Республикасының Президенті Н.Ә. Назарбаев өзінің биылғы жылғы «Жаңа онжылдық- жаңа экономикалық өрлеу - Қазақстанның жаңа мүмкіндіктері» атты Жолдауында «Бұл бағдарламаның түпкі мақсаты- еліміздің тәуелсіздігін баянды ету, қазақтың ұлт болып өркендеуіне жол ашу, оның тілі мен мәдениетінің кең құлаш жаюына мүмкіндік туғызу. Келер ұрпақтың жүзін жарқын ететін бұл мақсатқа біз асқан табандылықпен ел бірлігін сақтай отырып қана қол жеткізе аламыз»/1/ - дегенде ол осының бәрі патриотизмнің арқасында болатындығын мензегенін байқау қиын емес.

Патриотизм әлеуметтік-саяси құбылыс ретінде адамзат өркениетінің барлық кезеңдерінде көрінеді. Ежелгі Грецияның және Римнің антикалық полистерінде еркін азаматтар өздерін өз туған елінің, мемлекетінің патриоты деп санады. Тарихи ретроспективада патриотизмді «ежелгі саяси феномен» ретінде қарастыруға болады. Әлемдік тәжірибе бойынша, патриоттық идеал ретінде ұлттық абырой, туған жеріне, еліне деген махаббат, салт-дәстүр жолын қуушы, мемлекет қызығушылығын жақтайтын, ал керек кезде оны қолына қару алып қорғайтындар жатады. Осы саяси мәдениеттің және саяси сананың сегменттері азаматтарда мемлекеттің саяси идеологиясының әсерімен қалыптасады.

Орта ғасырлардағы Ұлы географиялық ашылулар кезеңінде еуропа континентінің ең мықты державасы болған Испания құрлық пен қатар жердеде өз үстемдіктерін көрсетті. Бірақ, 1588 жылы жеңілмейтін Испанияның «Ұлы Армада» флоты Ламанш бұғазында ағылшындардың кішігірім флотиясынан жеңіліс тапты. Осы жеңістегі патриотизм рухы әрі қарай Британияны теңіздің иесі ретінде қалыптастырды. Ең негізгісі экономикалық күшті дамыған мәдениетке әкелді. Мысалға, Кеңес қоғамының саяси саласында патриотизм мәселесі өте маңызды орынға ие болған. Ол коммунистік